

Ч. Сноу

Коридоры власти

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-11

Ч-11 **Ч. Сноу**
Коридоры власти / Ч. Сноу – М.: Книга по Требованию, 2021. – 243 с.

ISBN 978-5-458-03997-0

ISBN 978-5-458-03997-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Ч. Сноу, 2021

Чарльз Перси Сноу
КОРИДОРЫ ВЛАСТИ

От автора

По непонятной случайности название этого романа вошло в обиход еще до того, как сама книга была закончена. Я наблюдал это не без растерянности. Насколько я помню, впервые это выражение я употребил в романе «Возвращения домой» (1956 г.). Оно обратило на себя внимание мистера Рейнера Хэппенстола, который воспользовался им для названия критической статьи о моем творчестве. Если бы не это, я, вероятно, даже бы не вспомнил те слова. Однако, увидев их, так сказать, в руках мистера Хэппенстола, я решил, что они вполне подходят для названия настоящего романа, который в то время я как раз задумал писать. Итак, я объявил название и не отказался от него даже после того, как выражение это стало упорно попадаться мне на глаза в газетах раза два в неделю, а в воскресные дни раза по четыре и сделалось, в сущности, штампом. Я не испытывал особой неловкости, решив сохранить это название. В конце концов, утешаю я себя, кому, как не автору, пользоваться штампом, который он сам же пустил в оборот.

Я хотел бы отметить еще одно обстоятельство. Это роман о «высшей» политике, и при работе над ним, как это всегда бывает с романами на подобную тему, возникли непреодолимые трудности. Действие романа разворачивается в 1955-1958 гг., и в 1957 году мне понадобилось по ходу действия ввести в него премьер-министра. Премьер-министром Англии был в то время Гарольд Макмиллан. Премьер-министр в моем романе совершенно не похож на Гарольда Макмиллана – трудно было сделать его более непохожим. Это единственно возможный путь, если только не хочешь вывести в книге живых людей под их настоящими именами. Ни один из министров, созданных моим воображением, не имеет ничего общего с людьми, занимавшими правительственные посты в то время, когда у власти находились Иден или Макмиллан, и я намеренно поставил в центр обсуждения вопрос, который в то время открыто в политических кругах не обсуждался.

Поскольку мне пришлось упомянуть здесь мистера Гарольда Макмиллана, я хотел бы, из чувства благодарности, упомянуть еще кое о чем. Если бы не его вмешательство (не в качестве политического деятеля), мои книги не издавались бы сейчас в Лондоне фирмой «Макмиллан».

Пока я писал эту книгу, я оказался в долгу еще перед многими людьми, которым хочу теперь выразить свою благодарность. Политические деятели правящей и оппозиционной партий уделили мне немало времени и внимания – если бы я стал называть все имена, мне пришлось бы перебрать чуть ли не всю палату общин. Но я не буду спокоен, если не выражу особую признательность двум людям. Один из них – мистер Морис Макмиллан, с которым я обсуждал различные стороны этой книги, еще не написав ни одного слова; другой – мистер Морис Эдельман, который, сам будучи писателем и членом парламента, радушно потеснился ради меня в своем заповеднике и проявил столько великодушия и готовности помочь, что этого не передашь словами.

Ч.П.С.

Часть первая

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА

1. Званный обед

Я попросил шофера остановить такси на углу Лорд-Норт-стрит. Мы с женой помешаны на пунктуальности и в этот вечер по обыкновению приехали слишком рано. Нужно было как-то убить четверть часа, и мы лениво побрели в сторону Набережной. Какой хороший вечер, сказал я миролюбиво. Теплый воздух ласкал лицо, и, хотя был еще только март, на фоне закатного неба отчетливо вырисовывались набухшие почки на деревьях. В вышине над Большим Беном светился фонарь – шло заседание парламента.

Мы прошли чуть дальше по направлению к Уайтхоллу. По другую сторону Парламентской площади в здании Казначейства тоже горел свет. Одна из комнат третьего этажа была ярко освещена, кто-то засиделся допоздна.

Этот вечер не сулил нам с женой ничего интересного. Нам и прежде случалось обедать у Куэйфов. Роджер Куэйф – депутат-консерватор, из молодых, – в последнее время стал заметно выдвигаться. Я столкнулся с ним по службе, и он показался мне человеком незаурядным. Обычное приятное знакомство, из тех, что неизбежно завязываются в кругу высших государственных чиновников и политических деятелей обеих партий, такие знакомства не обязывают к частым встречам, но позволяют чувствовать себя своим человеком в «нашем Лондоне» – как тут принято говорить.

Едва пробило восемь, мы вернулись на Лорд-Норт-стрит. Горничная проводила нас вверх в гостиную, где так и сверкали огни люстр, уставленные рюмками подносы, крахмальные рубашки двух опередивших нас гостей и ослепительно сияло ожерелье Кэро Куэйф: она подошла пожать нам руки.

– Вы, конечно, со всеми знакомы! – сказала она.

Ей было лет тридцать пять; высокая и миловидная, она уже начинала полнеть, но еще оставалась изящной и стройной. Голос ее, выразительный и низкий, нередко звучал излишне громко. От нее веяло неподдельным, через край бьющим счастьем – невольно казалось, что и все вокруг могут стать такими же счастливыми, стоит только захотеть.

Вслед за нами появились еще гости. Все они были хорошо знакомы между собой – нерушимое правило приемов Кэро, – называли-друг друга просто по имени, и когда, вопреки обыкновению, среди гостей оказался незнакомый мне человек, я так и не понял, кому именно меня представили. Собственно говоря, только с одним из присутствующих мы были знакомы так же близко, как с Куэйфами. Это был Монти Кейв – еще одна восходящая звезда на политическом горизонте, как утверждали знатоки. У него были пухлые щеки, большие грустные глаза и негромкий, мягкий и гибкий голос.

Что касается остальных приглашенных, то это были три супружеские пары: мужья – рядовые члены парламента от консервативной партии, все не старше сорока, жены им под стать – молодые, видные, подтянутые, каких встречаешь часа в четыре на улицах, прилегающих к Кенсингтонскому парку, когда они забирают детей из фешенебельных детских садов. И еще здесь была пожилая

женщина – некая миссис Хеннекер.

Пока мы сидели и пили, ожидая еще не вернувшегося домой Роджера Куэйфа, разговор шел о политике, но постороннему – даже столь близко стоящему ко всем этим делам, как я, – потребовался бы специальный словарь, чтобы следить за ним. Все это были парламентские сплетни, представляющие интерес только для посвященных и не менее увлекательные для них, чем, скажем, театральные сплетни для актеров. Кто сейчас в фаворе и кто нет? Кто закроет прения на будущей неделе? Как ловко вывернулся Арчи, отвечая – помните – на тот вопрос!

Приближались выборы – это была весна 1955 года. Они обещали поддерживать друг друга в своих выступлениях; кто-то хвастал, что два министра «как пить дать» выступят в его поддержку. «У Роджера положение прочное, – сказал другой, – на него можно надеяться». – «А что премьер-министр думает предложить Роджеру, „когда мы вернемся“?» – обратился Монти Кейв к Кэро. Она только головой покачала, но, кажется, была довольна, и я подумал, что она, должно быть, суеверна.

Остальные мужчины говорили о Роджере так, будто он единственный из них должен преуспеть в самом скором времени, будто он не такой, как все. Болтовня не умолкала. Настроение становилось все радужнее, потом горничная доложила:

– Леди Кэролайн, приехал доктор Рубин.

У самого Куэйфа титула не было, но жена его – дочь графа – принадлежала к богатому аристократическому роду, из которого в девятнадцатом столетии вышло несколько видных деятелей партии вигов.

Кэро поднялась, громко приветствуя гостя, я оглянулся. И был поражен. Да, это он самый – Дэвид Рубин, американский физик и мой хороший знакомый. Он вошел, очень скромный, чуть настороженный; смокинг на нем был с иголочки, куда более элегантный, чем на ком-либо из гостей, манжеты скрепляли жемчужные запонки. От своих приятелей в ученом мире я знал, что он один из самых выдающихся физиков современности, однако в отличие от них всех он был еще и франт.

Кэро Куэйф усадила его рядом с моей женой. К этому времени в гостиной было уже полно народу, и Кэро, бросив подушку на пол, села около меня.

– Вы, должно быть, привыкли к тому, что женщины сидят у ваших ног, – сказала она и прибавила: – Не могу понять, куда запропастился этот несносный Роджер.

Она говорила о нем весело, без тени тревоги – тоном женщины, избалованной счастливым браком. Со мной она говорила задорно, почти дерзко и в то же время с почтительным любопытством. Она явно не привыкла скрывать свои мысли и взвешивать слова.

– А я проголодалась! – громогласно объявила миссис Хеннекер.

У нее был нос картошкой и глаза навывкате – ярко-голубые, но неприятно пристальные.

– Очень сожалею. Выпейте пока еще чего-нибудь, – сказала Кэро без тени сожаления.

Вообще-то еще не было и половины девятого, но в пятидесятых годах для званого обеда это считалось поздновато.

Заговорили о другом. Жена одного из членов парламента стала рассказывать об общем знакомом, у которого были неприятности «по дамской части». В кои-

то веки они отвлеклись от палаты общин. Этот знакомый был банкир. «Зацепило» его основательно. Жена тревожилась.

— А его дама хороша собой? — со смешком спросила Кэро.

Я заметил на грустном лице Дэвида Рубина некоторое оживление. Эта тема, видимо, заинтересовала его больше, чем предыдущая.

— О, она сногшибательна!

— Ну, раз так, Эльзе тревожиться не о чем, — воскликнула Кэро. — Когда глава семейства начинает проявлять признаки рассеянности, жене надо остерегаться не сногшибательных красавиц. Бойтесь тихоньких сереньких мышек, которых никто никогда не замечает. Вот если такая запустит в него коготки, тогда ставьте на нем крест и думайте, как объяснить все детям.

Остальные жены смеялись вместе с ней. «Нет, все-таки красавицей ее не назовешь, — подумал я, — для этого она слишком земная». И тут глаза ее засветились, и она несколько неуклюже поднялась с подушки.

— Вот он! — сказала она. — Наконец-то!

Вошел Роджер — нескладный, немного смешной, он, однако, держался весьма свободно. Он был рослый, крепкий, довольно грузный, но и в лице, и в фигуре отсутствовала гармония. Голова, хоть и хорошей формы, была несоразмерно мала, уголки серых блестящих глаз оттянуты книзу, переносица плоская, верхняя губа чуть выступает над нижней. Лицо некрасивое, но приятное. Все его коллеги, находившиеся здесь, если не считать Кейва, были стройны и по-военному подтянуты; рядом с ними он выглядел неуклюжим и расхлябанным. Когда мы с ним встретились впервые, он напомнил мне Пьера Безухова из «Войны и мира», однако, не в пример Пьеру, производил впечатление человека энергичного и делового.

— Извини, пожалуйста, — сказал он жене. — Меня поймали по телефону...

Поймал, как выяснилось, один из его избирателей. Роджер сказал об этом просто, словно о тактическом ходе, значение которого она понимала и сама.

Ему, безусловно, нельзя было отказать в известном обаянии, в котором не было, однако, ничего актерского. Он обменялся рукопожатием с Рубином и со мной. Двигался он и говорил легко и непринужденно.

Он и его коллеги ненадолго отделились от остальных, и миссис Хеннекер, оставшаяся за пределами этой группы, положила мне на рукав мясистую, унизанную кольцами руку.

— Пост! — сказала она.

Ее манера разговаривать показалась мне странной.

— Что? — переспросил я.

— Этот молодой человек обязательно получит пост. — Она хотела сказать, что Роджер получит министерский портфель, если его партия вернется к власти.

— Вы думаете? — сказал я.

— А вы, часом, не идиот? — осведомилась она.

И при этом глупо, самоуверенно подмигнула, будто я должен был прийти в восторг от ее грубости.

— Пожалуй, нет, — ответил я.

— Я это в греческом смысле, сэр Ленард, — сказала она и тут же громким шепотом выяснила у Кэро, что меня зовут Льюис Элиот. — Да, в греческом, — продолжала она, нимало не смутившись, — идиот, то есть «человек, не интересую-

щийся политикой».

Она была чрезвычайно горда этой крупницей учености. Интересно, часто ли она козыряла этим выражением, уж конечно, зная греческий язык ничуть не лучше эскимосского. В ее самодовольстве было что-то ребяческое. Она не сомневалась, что является натурой избранной. И не сомневалась, что ее точку зрения разделяют все.

— Напротив, политика меня интересует, — сказал я.

— Вот уж не поверю! — победоносно воскликнула миссис Хеннекер.

Я не стал возражать в надежде, что она помолчит и даст мне послушать Роджера. У него была несколько иная интонация, чем у его приятелей. Но какая именно, определить я не мог. Воспитанники Итона и гвардейские офицеры говорят не так; прислушавшись, каждый заметил бы — а миссис Хеннекер могла бы и заявить во всеуслышание, — что к «сливкам» он не принадлежит. И в самом деле, отец его был инженер-конструктор, солидный, преуспевающий провинциал. Хотя миссис Хеннекер и назвала его молодым человеком, он был не так молод, всего на пять лет моложе меня, следовательно, ему было все сорок пять.

Он заинтересовал меня с самого начала нашего знакомства, хотя я и не мог бы объяснить, почему именно. Но в этот вечер за обедом я слушал его с легким разочарованием. Да, ум у него поострее, чем у других, и суждения более вески. Но и он, как остальные, говорил только о внутрипарламентских делах, о хитросплетениях этой их шахматной игры, как будто ничего другого на свете не существовало. В присутствии Дэвида Рубина это было по меньшей мере невежливо. Я начал злиться. Я не разделял их взглядов. Они понятия не имели об окружающем мире, тем более о мире завтрашнем. Я взглянул на Маргарет, сидевшую с оживленным, подчеркнуто внимательным видом, который делался у нее каждый раз, когда ей бывало очень скучно, и меня потянуло домой.

И вдруг мою досаду как рукой сняло. Дамы ушли наверх в гостиную, и мы остались в освещенной свечами столовой.

— Подсаживайтесь ко мне, — сказал Роджер Рубину. И легонько прищелкнул пальцами, словно подавая сам себе какой-то знак. По другую руку он посадил меня. Наливая Рубину коньяк, он сказал: — Боюсь, мы нагнали на вас скуку смертную. Сейчас у нас одни выборы на уме. — Он поднял глаза и улыбнулся широкой насмешливой улыбкой. — Хотя вы, наверное, и сами об этом догадались, если слушали внимательно.

Впервые за весь вечер Дэвид Рубин вступил в разговор.

— Я хотел у вас кое-что спросить, мистер Куэйф, — сказал он. — Как по-вашему, чем кончатся эти выборы? Или это нескромный вопрос?

— Нет, отчего же, — сказал Роджер. — Положение примерно такое. В худшем случае голоса разделятся поровну. Для нас (он имел в виду консервативную партию) ничего хуже быть не может. Ну, а при удаче мы можем одержать и победу, если не блестящую, то во всяком случае внушительную.

Рубин кивнул. Один из членов парламента сказал:

— Готов держать пари, что у нас будет перевес в сто голосов.

— А по-моему, гораздо меньше, — возразил Роджер.

Похоже, что он свое дело знает, подумал я, но по-настоящему интересно мне стало чуть позже. Мой сосед курил сигару, дым завивался вокруг огонька свечи; казалось, это обыкновенный лондонский обед в обыкновенном богатом доме,

когда мужчины на четверть часа остаются одни за столом. И вот тут-то Роджер, спокойно и внушительно восседавший в кресле, повернулся к Дэвиду Рубину и сказал:

— А теперь, если не возражаете, и я вас кое о чем спрошу.

— Пожалуйста! — сказал Рубин.

— Если на какой-нибудь вопрос вы не имеете права ответить, пусть это вас не смущает. Прежде всего мне хотелось бы знать, много ли смысла в том, что мы делаем в области ядерного вооружения.

Из всех сидевших за столом у Рубина было самое серьезное, усталое и нервное лицо. Он был не старше других, но на фоне всех этих румяных, обветренных английских физиономий выглядел поблекшим, серым, с ранними морщинами и коричневыми мешками под глазами. Он казался существом иной породы, более утонченным и хрупким.

— Боюсь, я не совсем вас понял, — сказал он. — Что вы имеете в виду? Ядерное оружие в Соединенном Королевстве? Или у нас? Или вообще в мире?

— Да разве можно это разделить? — с трезвой практичностью сказал Роджер, и все взгляды обратились на него. — Но давайте начнем с ближайшего, то есть с нас. Видите ли, все это естественно вызывает у нас некоторый тревожный интерес. Так вот, как по-вашему, — есть ли какой-то смысл в том, что делает наша страна?

Рубину было нелегко ответить с той же прямотой. Он занимал пост советника при своем правительстве. А еще больше мешала ему чрезмерная деликатность. Он сделал все, чтобы уклониться от прямого ответа. Интересуют ли Роджера бомбы, как таковые, или средства доставки? Он призвал на помощь меня: по долгу службы я в последние годы не раз присутствовал при том, как американские и наши эксперты обсуждали все это.

Ведь помимо соображений научного и военного характера, говорил загнанный в угол Рубин, Соединенное Королевство, может быть, хочет иметь собственное оружие еще и по каким-то другим причинам.

— Ну, это уж наша забота, — мягко возразил Роджер. — А вот вы скажите, хотя бы приблизительно, каков будет наш вклад в вооружение — вы ведь в этом разбираетесь, как никто другой.

— Что ж, если вы настаиваете... — Рубин пожал плечами, — при всем старании вам не вытянуть и двух процентов.

— Послушайте, профессор Рубин, — раздался чей-то густой бас, — вам не кажется, что вы очень уж легко вышвыриваете нас из игры?

— Я был бы только рад, если б мог ответить по-другому, — сказал Рубин.

Обладатель баса был некто Том Уиндем — зять миссис Хеннекер. Он весело смотрел на Рубина, и во взгляде его была самоуверенность человека, по рождению принадлежащего к правящему классу, самоуверенность, которая не то что позволяет закрывать глаза на возможность перехода власти в другие руки, но помогает спокойно отмахиваться от подобной перспективы. Рубин виновато улыбнулся. Он был на редкость вежливый человек. Родился он в Бруклине, и для его родителей английский так и не стал родным языком. Но и он не лишен был уверенности в себе: ничуть не удивился, узнав, что у него есть все шансы получить в этом году Нобелевскую премию.

— Ничего, — сказал Монти Кейв с понимающей усмешкой. — Ведь Роджер, по

своему обыкновению, сам напросился.

Роджер улыбнулся, и по этой улыбке было ясно, что с Кейвом они не только союзники, но и друзья. Вот уже пять лет, с тех самых пор, как оба вошли в парламент, они вдвоем возглавляли группу заднескамеечников в палате общин.

— А теперь, Дэвид, — ничего, что я зову вас просто по имени? — разрешите мне пойти немного дальше. Как насчет Соединенных Штатов — есть смысл в вашей ядерной политике?

— Надеюсь.

— А может быть, она основана на предположении, что техническое превосходство так на веки веков и останется за вами? Кое-кто из наших ученых как будто считает, что вы недооцениваете русских? Это верно, Льюис?

Роджер хорошо осведомлен, подумал я. Именно это и утверждали Фрэнсис Гетлиф, Уолтер Льюк и их коллеги.

— Разве? — сказал Рубин.

Он, по-видимому, был несколько задет. И все же я видел, что он уважает Роджера — уважает его ум. Он умел распознать умного человека, и при всей его учтивости заслужить его уважение было не так-то просто.

— Что ж, — сказал Роджер, — допустим (так оно будет вернее), что Запад, то есть вы, и Советский Союз вступают в гонку ядерных вооружений приблизительно на равных началах. Сколько же времени в таком случае остается нам, чтобы предпринять какие-то шаги?

— Меньше, чем мне хотелось бы.

— Сколько лет?

— Лет десять.

Настало короткое молчание. Остальные все время слушали внимательно, но в разговор не вступали.

— Не наводит ли это всех вас на размышления? — сказал Роджер. Сказал не без сарказма и, видимо, считая разговор законченным, отодвинул свое кресло, давая понять, что пора возвращаться в гостиную.

Он распахнул дверь, и в это время в коридоре, в гостиной наверху, в столовой, откуда мы выходили, поднялся трезвон. Можно было подумать, что мы на корабле и звонки объявляют учебную тревогу. И тут же Роджер, который только что выглядел весьма достойно, даже, я бы сказал, внушительно, застенчиво улыбнулся.

— Сзывают на голосование, — пояснил он Дэвиду Рубину все с той же улыбкой, смущенной, до странности детской и в то же время довольной, — так улыбаются люди, готовясь принять участие в обряде для избранных. — Мы ненадолго.

Члены парламента выбежали из дома, точно мальчишки, которые боятся опоздать на урок. Мы же с Дэвидом пошли вдвоем наверх.

— Ушли они? Давно пора было вытащить вас оттуда, — бодро встретила нас Кэро. — Ну, чьи добрые имена вы там успели опорочить? Мужчинам надо бы носить... — выразительным жестом она лихо подкрутила воображаемые усы.

Я покачал головой и сказал, что мы говорили о науке, которой посвятил себя Дэвид Рубин, и о будущем. Маргарет взглянула на меня. Но после звонка, позвавшего на голосование, настроение мое круто изменилось. Сознание, что все мы связаны общей судьбой, пропало, я больше не испытывал даже чувства ответственности. Напротив, здесь, в ярко освещенной гостиной, все стало казаться

мне мирным, совсем не важным и немного смешным.

Дамы только что завели разговор на тему, которая приобретала все больше прав гражданства в подобных гостиных: о школах или, точнее, о том, как определять в них детей. Молоденькая мать, гордая и своим материнством, и прозорливостью в вопросах образования, объявила, что ее трехмесячный сын уже через час после своего рождения был внесен в списки Итона. «Мы бы его и в Бейлиол записали, — прибавила она, — да только теперь туда, к сожалению, заранее не записывают».

А куда пристроила детей Кэро? Что думает Маргарет делать со своими? Я издали наблюдал за Дэвидом Рубином: с обычной своей изысканной учтивостью он внимал рассказам о порядках, которые, конечно же, в душе считал нелепыми, — о том, как за тринадцать лет вперед покупаются для детей места в привилегированных школах. Он лишь мимоходом упомянул, что, хотя ему самому только сорок один год, его старший сын уже на втором курсе Гарвардского университета. Остальное время он внимательно и серьезно слушал, и это вызвало у меня желание сделать небольшое внушение сидевшей рядом со мной миссис Хеннекер. Я сказал ей, что американцы самые воспитанные люди на свете.

— То есть как? — воскликнула она.

— И русские очень воспитанные, — прибавил я после некоторого раздумья, — мы в этом отношении едва ли не хуже всех.

Лицо у нее стало испуганное, и я испытал истинное удовольствие. Правда, сказал я, углубляясь в сравнительную социологию, у англичан низших классов манеры совсем не плохие, куда лучше, чем у американцев того же уровня, но, начиная приблизительно с середины социальной лестницы, манеры американцев становятся все лучше, а наши — все хуже. У американской интеллигенции и высшего класса манеры несравненно лучше наших. И я продолжал рассуждать о причинах этого странного явления.

Моей собеседнице рассуждения эти явно казались совершенно излишними.

По лестнице гурьбой подымались мужчины. Голосование закончилось, правящая партия получила обычное большинство. Однако вечер был испорчен, настроение так и не наладилось, и в половине двенадцатого мы с Маргарет поднялись, с нами ушел и Дэвид Рубин. Такси, урча, катилось по Набережной к Челси, где он сейчас жил. Они с Маргарет говорили о проведенном вечере, а я смотрел в окно, не принимая участия в разговоре. Я позволил мыслям увести себя от действительности.

Когда мы распрощались с Дэвидом, Маргарет взяла меня за руку.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

Я и сам не знал. Просто я загляделся на знакомый привычный город: на исхоженные мною вдоль и поперек улочки Челси, на огни Фулхем-роуд, на сады Кенсингтона, на Куинсгейт-стрит, по которой мы ехали к Сент-Джеймс-Парку, — все это путаное-перепутанное, шумящее листвою, не очень-то красивое, приземистое — в других столицах дома куда выше... Мне немало пришлось пережить здесь, и сейчас я не то чтобы вспоминал, а, скорее, ощущал смутные отголоски когда-то испытанного в этих местах: любовь, женитьба, горести и радости, удовольствие от вечерних прогулок... О сегодняшнем разговоре я не думал — он не первый и не последний, мы к таким уж привыкли. И все же вдруг с неожиданной силой меня захлестнула волна нежности к этому городу, хотя в обычные